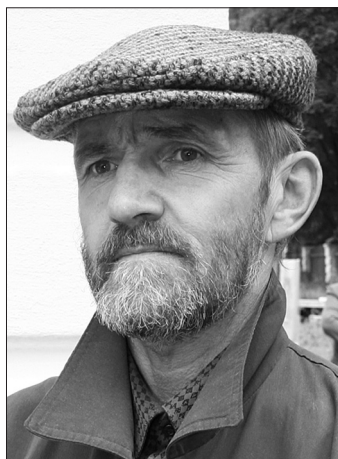

П Р О З А

Евгений КУЗНЕЦОВ

Родился в 1953 г. в деревне Костино Рыбинского района Ярославской обл. Окончил факультет истории и права Ярославского университета. Работал следователем, зав. отделом прозы в журнале «Русь» и газете «Очарованный странник».

Автор книг прозы: «Молчаливая история» (1989), «Кудыкины горы» (1991), «Храм на Марсе» (1997), «Быт Бога» (2004), «Чернила в бокале» (2004), «Жизнь, живи!» (2010).

Печатался в журналах «Континент», «Наш современник» и др.

Член Союза писателей России.

Отмечен областной премией им. Л. Н. Трефолева (1993).

Лауреат Всероссийского конкурса короткого рассказа им. В. Шукшина (1999).

Живет в Ярославле.

Невозможно расстаться

Из нового романа

Вошло в меня нечто теперь — и словно сразу я лишился того, что прожил, и даже хотения будущего.

Мир — мал...

Мир — мал!..

Вычерпать море ведром не потому никто не берется, что оно какое-то неизмеримо большое, а потому, что... некуда выливать почерпнутую воду: она потечет обратно в море.

Мир мал. Мир — мал.

Ощущение такое: явное — явного!..

Да и — прежде всего... настроение такое теперь.

«Теперь»...

Мир мал, мал.

И вокруг меня, и вообще.
Вокруг — это вот тело мое; оно — тоже мало, мне мало. Столь мало, что я его как бы и не замечаю...
Мир людей, чуть подальше, человеческий мир — тоже мал, даже — тем более.
Ощущение малости мира...
Тоска!..

Гнев...
Капризный детский гнев!
Сквозь сон... от прерывания сна...
Что? Что?..
Звонок!.. о-ой...
Тишина паузы...
И опять он — звонок надсадный.
Возмущение всего, чувствую, пространства комнаты!
Я — сквозь веки — ощутил самую глубь ночи... или, может, самую рань черного осеннего утра...
И еще он...
О-о, да это он... гневный-то!
Я — обмер.
Определил положение моего, под одеялом, тела...
...И — миг ощутил ужас бодрствования.
Ужас пребывания — вообще.
«Неужели?..»
«Жизнь в сей час шагнула значительно...»
«Вот она, ощутимая правда!..»
Все эти мысли-чувства — в один единый мой трепет.
Зво-нок...
То есть — понятный!
Я — не зная, подняты ли веки, — уже деловито протянул руку в знакомую темноту.
Светильник... осветил очередной звонок.
И показал моим глазам, что они, да, не спят... и даже, нет, не моргают.
Я опустил другую руку к полу.
Мобильник.
...Да.
Сестра.
Все мелочи пространства передо мной были особенно — зачем-то — четкими.
Звонок... В кулаке...
Смотрел... просто смотрел... ощущая ценность зрения...
Мне сделалось ново; и — жутко ново... никчемность всех видимых предметов... запах пространства.
Жду...
Нет...
...Посмотрел ответственно на тяжелый мобильник.
Запомнил жестко час и минуты.
Ощутил — власть... власть события...
Встал послушно и плавно.
Ощущая совершаемый поступок.

Умылся, утерся.
Ощущая вершимое поведение.
«Три часа, пятьдесят четыре минуты».
Какие цифры значительные!.. Только... почему их можно поставить... в последовательный ряд?.. Зачем это нужно?..
А зачем думается об этом?..
Заварил чай. Стыдись.
Выпил чашку. Стыдись.
Признался наконец: с того мига, как посмотрел, кто звонит... думал, во сколько начинают ходить троллейбусы... да еще и, впрочем, — надеялся надеяться...
Открыл шифоньер. Постоял.
Как давно и это, и это не надевал...
Надел самый хороший мой костюм.
Постоял. Стоять было странно.
Сел в кресло к монитору. Просто — темно-зеленому. Так находиться тоже было странно.
Медленно крутнулся с удобным креслом. Лицом и грудью — к вниманию комнаты... к вниманию пространства...
Положил ладони на колени.

Думал я, думал — молился-молился; и вот мне Бог... меня самого!.. и какого-то — особенного.
Мир — мал.
Как... мал?..
Для кого мал? Для чего мал?
Не для кого-то и не для чего-то, а — попросту мал.
Мал!
Была у меня первая любовь. И — не будет больше никогда этой первой любви, именно первой.
И — ни первой моей детской игрушки, ни первого школьного звонка, ни первой прочитанной книжки... ни первой моей статьи газетной...
И этак — во всем, во всем.
Я, к примеру, таскаю какой-то свитерок, и вроде бы ничего... но ведь он мне маловат... Я втиснусь вон в троллейбус — и уж ощутимо места мне мало...
Я, наконец, болтаю вот с тем и с этим... но ведь они мне — только произнести!.. — малы, малы...
...«Мир мал». — Кому не скажи!
В меня, быть может, и вошло это открытие... от наблюдения... от присутствия других.
Но — некуда деваться: мир — таков, таков.
...Мир мал.
И чемпион мира — один. И по шахматам, и по боксу. И лишь победив именно его, можно стать чемпионом.
Мир мал.
И если кто-то мечтает, напевая, о том, чтобы кончился наконец неприятный ему век, то понимает, стоит лишь помечтать, чтобы для этого всего-навсего скончался единственный вождь.
Мир мал.

И если, например, ловить голых негров на одном континенте, то потом их в трюмах через океан, походя кормя ими акул, можно переправить, для возделывания плантаций, только лишь на другой — той же планеты — континент.

Мал, мал!

Чтоб далеко не ходить: суть любовной (и любимой) народной драмы — из-за тесноты общежития: «Не кричи во весь народ: мой батюшка у ворот...»... а судьба собственно цивилизации — в президентском «ядерном чемоданчике»...

Века — они ведь тоже: обозначают сами себя лишь в арифметической прогрессии... Кстати, нарастающая эта прогрессия вовсе не прибавляет ничего к малости мира.

И если самолет пассажирский, реактивный и аж сверхзвуковой, совершит вынужденную посадку в экваториальный водоем... и пассажиры, избежавшие огня, выберутся, счастливые, из проклятого самолета... в желанную, то есть, влагу — то там их всех сожрут аллигаторы... А что же. — Нет учебников школьных (или — времени и прилежания их штудировать...) о животном мире той части света!.. Нет и у крокодилов другого, столь исключительного, случая, чтоб поместить в свое чрево такое нежное мясо, да еще и почти без волос!..

Кстати о всякой жидкости. Приливы-отливы так называемого мирового океана — всего лишь, по малости мира, от близости небольшой этаким другой планеты — Луны.

Да что там — скоростей космических — всего-то три. И все скорости возможные, опять же — на этом свете, ограничены, по созвучию, именно скоростью света.

Сочтены — все атомы всех металлов и все атомы всех неметаллов.

...Мир мал, мал!

И нельзя певцу звездному проехаться в метро, в автобусе городском, попросту — пройти по улице.

Кстати, к известности стремление — так как людей на Земле мало; сколько бы ни было — а исчислимо мало; и, стало быть, в самом деле возможна такая ситуация, что на этой планете тебя будут знать без исключения все. А что потом?.. — Тоска. Потому многим чаще всего хватает славы — на всю школу, на весь какой-нибудь город, ну, на всю одну какую-нибудь страну.

То же — и стремление к богатству и к власти. Действительно ведь мыслимо, что все богатства мира людей и вся власть над всеми людьми будут в каких-то одних руках. И — что дальше?.. Над всеми. Только и всего. И — если уж слово «дальше»-то — тоска.

Империалисты стремились строить и строили целые империи, именно всемирные, потому что как раз это осуществить было возможно натурально: мир в самом деле так-таки мал.

Итак, стыдно быть империалистом...

Гении всех видов и косящие под гениев потому-то и стремились и стремятся к славе мировой, что она реально достижима: мир-то малюсенький.

Скучно быть славным!..

Мир настолько мал, что и в самом деле — решать и даже свершать можно: начать ли войну... произвести ли эликсир молодости... изобрести ли ядерное оружие... лететь ли на другую планету... запретить ли смертную казнь... наболтать ли ребенка в пробирке...

И действительно, действительно — всем и всеми в мире можно манипулировать!

Как заткнутыми в одной стеклянной колбе.

И этим может быть одержим... какой-то пересчитанный тайный клан... или даже и вовсе кто-то абсолютно один.

И при этом, при этом, при этом... всем и заботы нету — хотя бы: так ли это на самом деле!..

Да и не странно: появляется где-то вождь — и сразу там пропадает обыкновенная доброта и личный разум.

Мир мал.

Мир мал — и вокруг Земного шара уже тесно от «космического мусора».

Мир мал и всегда-то был: в научном журнале читаю, что найдены в степи две пули спаянные — они столкнулись полтора века назад, летя в противоположных, стало быть, враждующих направлениях, во время известной исторической разноплеменной битвы: опять же — из-за малости географического, соответственно, пространства.

Мир мал — и нет мира, где бы не было науки.

Мира мал — и нет уже науки, которая бы не изобрела интернет.

Мир мал — и нет теперь интернета, где бы не было, тут как тут, порносайтов!..

Мир мал: у каждого лишь один член; поэтому средства все коммуникативные обещают и препарат для его «ощутимого увеличения». Кем ощутимого? — Разумеется, прежде всего, лишь его обладателем... ну и, еще дальше, разве что... его обладательницей.

...Да что говорить.

Был, предполагают, — всего-навсего сколько-то миллиардов лет тому — некий «большой взрыв».

Ну а что было до «большого взрыва»?..

Можно бы, и верно, и не мучиться о столь далеком...

Но... где тогда был — я?..

Тоска!

Мир мал, мал...

Сюжет самый святой всемирной — радение о спасении; и таковой — единственный.

Смотрю иной раз в зеркало — вижу... кого-то...

Кого когда-то на этом свете не было... кого когда-то на этом свете не будет...

Ведь это — правда.

Реальность!

Притом это правда, которая — прежде всего. Прежде всего.

Вот я заглянул в зеркало-то. А до этого мига меня в этом зеркале не было...

И так же я, родившись, заглянул в эту жизнь.

Меня, меня! — когда-то не было?.. когда-то не будет?..

Мне бы об этом — прежде всего бы и думать! рассуждать! гадать! Ликовать или стенать.

Но — об этом я меньше всего думаю.

Это ли не странно?..

Единственное утешение — если утешение: я — видим, видимый... слышимый, осязаемый, обоняемый; пребываю в этой жизни — в видимой; на этом свете — на видимом.

И что меня — видят!

...Смотрю — теперь-то — в окно.

Одетые люди двигаются на двух своих, значит, нижних конечностях...

И — без тоски малости мира.

Впрочем, вон сцена у подъезда напротив... На легковой машине привезли старуху: с палкой, в пальтеце старинном коротком демисезонном клетчатом; в платке старомодном цветастом... Она — смотрит куда-то вверх, на какой-то, что теперь, напоследок, ее, этаж... А все рядом — смотрят себе под ноги...

Всю жизнь я наблюдал, озадаченный, за старухами, за старушками — существами, прежде всего, загадочными.

Вон снеговая прядь из-под платка той старухи...

...Руки на коленях — и думал о значительности пространства. О приобретении пространства. О лишении пространства.

И об ответственности. Перед пространством.

На часы смотреть страшился.

Ведь они-то — теперь было понятно — как раз о пространстве!..

Ждал звука.

Хотел, чтоб он — раньше?.. Хотел, чтобы — позже?..

Тиканье тикало — и все решало...

Губы высохли.

Чаю еще попить стыдился... совестился.

...С какой-то другой стороны — тоже, как и электрический, снаружи — на зрочки мои струился, брезжа... полупрозрачный, полувидимый... летний солнечный... зеленый, голубой... уютный, теплый... свет, свет... В этом свете, как в сладком прозрачном сиропе, я — в коротких штанишках, в безрукавой рубашке и в большой кепке — тяну руку меж жердей соседского огорода, никак не могу дотянуться, царапая уже и плечо, к орешнику за орехами...

Я подвинулся встать. Но, опять же, счел неуместным... хоть как-то, по поводу самого себя, двигаться.

В этом летнем зелено-голубом уютном сладком свете... передо мною сейчас... залетали еще и руки... знакомые, самые знакомые... умелые... грубоватые... но всегда теплые...

Глаза мои, ощутил, горячие... обновились...

Не надо.

А как надо?..

...Звонок.

Он, увы, возвратился.

Посмотрел на часы.

В самом деле: под окном — чем-то грубым по асфальту.

Звонок...

Мобильник взял.

В кулак.

Встал.

Звонок...

Я — глядя в то место, где окно, — включил.

— Да.

— Андрей...

— Да.

— Мама...

Я ощутил мое тело как тело. И — виноватое, виноватое: за то, что оно — тело, не ощущающее сейчас... ни даже зубной боли, ни хотя бы усталости...

— Что?

— Ночью... В четыре часа...

— Где?

— В реанимацию...

— В какой?
— Больница эта...
Я отключил.
...Вот теперь — нельзя! Ничего нельзя.
Кроме движения.
В прихожей обулся и надел куртку.
Шагнул — как бы включаясь, не забыв о нем, в другое пространство — в комнату и по-обычному поцеловал Богоматерь в глаза.
В прихожей стал надевать куртку.
Мурашки по всему, вертикальному, телу пробежали... Счастья, счастья!..
Я уныло и обреченно... эту вторую куртку стал снимать... с уже надетой.
Слыша... чей-то стон...

...Мир мал — а газета тем более мала.
Поэтому меня тогда и «сократили».
А вовсе не потому — уж как год, — что этот самый «кризис».
Я, во-первых, и заранее знал, что так со мной выйдет. «Уволили по сокращению» тех, как водится, у кого меньший срок тут работы. Нескольких. Образование и опыт, если из того исходить, у всех одинаков. Так что вроде бы порядок.

Но ощущение все-таки новое.
Чувство почти такое же было, когда — лет, значит, двадцать тому — «цены отпустили». Я еще юный был. Ну и перед тем, когда саму страну «распустили».
В природе вроде бы ни тогда, ни теперь ничего не предшествовало и ничего потом не последовало. Так что...

«Сократили» меня, меня — «сократили»...
Слово-то какое!
...И еще. Может — главное.
Я, собственно, этого... как будто и ждал...
«Сократили» — и развязали мне руки.
Для мысли.
И, признаться, в первый же день — мое чувство: а я и не был вполне причастен!
То есть — это я... вас всех сократил. Без кавычек.
Или — по сегодняшнему моему, траурному, состоянию: это газета, газета мне, мне мала.

Уволили — я теперь зато спокоен.
Я теперь не повязан миром, этим самым социумом, суетой. Столь-то прочно: по работе, по должности и профессионально.
Уволили — и ощутил я себя не обиженным, не озадаченным, а... свободным, вернее — более свободным, точнее — на каком-то пути к какой-то освобожденности.
Кстати, кстати. Я, живя один, встал на другой же день... и не стал одеваться!.. Так до сих пор, просыпаясь, и бродил по квартире — это уж сделалось моим утренним ритуалом — совершенно голый.

Но прежде всякого прежде — сама собой освободилась зрящая мысль.
Подтвердилось мое видение, мое виденье!
С ходу — первое, что бросилось в глаза: люди ходят по планете — и не падают с нее, не сваливаются!..
Я — прямо испугавшись — спросил себя: что, что меня более всего волнует?..

Меня уволили. Но это дело обычное, бытовое.

Что — меня, меня лично, лично по моей сути, сию и каждую минуту волнует? И — более бы всего.

С планеты — не сваливаются...

Всемирное то тяготение и прочее — это тоже понятно.

Но все же... странно и страшно...

Хоть бы кто в целом мире когда-либо — об этом подумал всерьез!..

Я сейчас стою на Земле. А на другой ее стороне кто-то стоящий, подняв глаза к небу, смотрит точно... в противоположную мне сторону!.. То есть, выходит, видит Мироздание... теоретически в ином виде.

И... и как-то волнительно с учетом этого жить.

А всем — хоть бы что!..

И я тогда неумолимо еще отметил: после недавнего землетрясения в Западном полушарии... ось симметрии Земли отклонилась, пустяк, на восемь сантиметров... Но, оказывается, атмосфера воздушная и океан водный обычно смещают эту ось на целых три-четыре метра!..

Да я и с детства жил в состоянии... в мировоззрении ожидания: вот-вот будет время подумать — ой, ведь не на плоскости я!..

И, главное-то, — не один же я.

Вот — вот я стою на этой самой планете Земля.

Мои глаза полны зелено-голубого пространства, мои уши полны вольного невидимого ветра, мои легкие полны пахучей живой свободой...

И я — счастлив. Я — насыщенно и утоленно счастлив. Я — как-то... осведомленно и понятно счастлив. Я счастлив, в конце концов, достигнуто и благодатно!..

Однако...

Разве?! Разве — после ошеломленного — возможно, хоть мыслимо какое-то «однако»?..

Я — во-вторых — вдруг с озабоченностью обнаруживаю, что на планете имеется некоторое обстоятельство... нервирующее обстоятельство, которое выразимо формулой: кроме меня.

Да, на планете есть еще кто-то — кроме меня.

Так и что бы? Раз он, тот, кто подобен мне, тоже полон пространства и свободы — то мне бы радоваться моего ощущения подтверждению. Да и ликовать бы вместе.

Однако... тут оказывается, что это самое «однако»... весьма, по мне, неожиданное...

Активное!.. Пристальное!.. И — нацеленное!

И я... вмиг ощутив суть этого «но» и того, кто кроме-то меня... ощущаю в себе... гнев...

Гнев! — И помутилось прозрачное пространство. Завизжал ехидный ветер в ушах. Тесно заволновалась ненасытная грудь.

Все все за меня решили! — О рождении, о «сокращении», о «кризисе»...

Я-то — как бы не упасть с планеты, а они — как мною командовать!..

И мы, такие-то контрастные... на одной планете!..

...Меня уволили — и я ощутил, что важнейшее насущное, что в жизни может быть: понять, понять — в чем и почему моя свобода и — вообще свобода.

Все — во сне! Все — во сне!

Вот что такое: «современный человек». В смысле, чтоб глубже, — антропологическом.

А — я?! А мой сон?..

Серфинг!..

В спорте как таковом — это подлинное и эпохальное соитие с природой!.. Красота! — Никогда я не наблюдал человека более красивым. И волна никогда за все время, которое Время, не была столь послушной и понятной!..

Скольжение по волне — его ведь надо еще расшифровать...

Если б волна была уже волной, если б она была ... как бы сказать?.. уже готовая — катиться с нее было б нельзя!.. Вот как с сугроба: съехал — и стоишь. Но волна — это то, что ежесекундно нарождается. И что тебя — ежесекундно поднимает!..

Вся жизнь — волна.

Может, это — самое удивительное, доступное наблюдению, явление в Природе! — Ведь радиоволны — не видимы.

Это — моя мечта? — Войти бы в такой же лад с целой сущностью Природы.

Отраднее отрадного — и послушно, и умело скользить по волне спускаемой мне свыше Мысли.

...Маме — маме об этом, о работе, верней — о не-работе, я, конечно, ни слова.

...Снаружи — и сверху, и снизу, и со всех сторон — ощутил был черный снег и, вперемешку, черный дождь.

Равнодушный троллейбус...

Пустой — ненужный — вокзал...

В автобусе кресло было с устройством, под локтем, непривычным... Зачем?..

Через какое-то — воющее, качающееся — время заметил, что сегодня... никого еще не видел. И не слышал. Кроме мобильника.

Такое, значит, отныне — неужели?!.. неужели?!.. — началось иное пространство.

Вспомнил — прежде всего, прежде всего — все мои чувства-мысли-слова с того мига глубокого звонка...

...Ее теплые и шершавые чуть скрюченные пальцы.

Запах ее седых желтовато-серых все густых волос...

Взгляд ее пестрых, в мелких пезинках, глаз... всегда искоса и бегло... Гордый, но и вопросительный... Вопросительный, но и таки гордый...

Как это все... по-настоящему. По-настоящему!..

Из всего-всего — самое. Самое!..

Вообще, вообще — разоблачающее меня. Парализующее. Обнажающее.

Правдивое до слез. За которые, за единственные, не стыдно. И даже — ни перед кем бы и ни перед чем не стыдно.

И тогда — зачем что-то иное?..

Зачем и для чего это такое менять?..

И почему тогда, как сейчас, все... так?..

...Она идет по дороге ли, по двору ли — прямая, стройная, невысокая; и глаза — всегда себе под ноги. И уж редко, чтоб хотя бы повернула голову в сторону... где там поглядеть — хоть просто посмотреть.

На фото на всех — где она еще молодая, красивая, черноволосая — взгляд ее в объектив чаще искоса и снисходительный... упрекающий, обвиняющий... и — гордый, гордый!..

И конечно, конечно — никого никогда из встречных знакомых, ни даже к нам в дом зашедших, ни о чем не спросит... только, слушая, кивает, на все речи чуть кивает... но и не поторопит — ни в коем случае! — быть покороче, удалиться с глаз долой.

Драгоценно сейчас мне даже и это... внешнее...

Красоту ее лица и внимание ее ко мне беспромахное — помню, как помню себя. Чуть забота у меня, у ребенка, малейшая — и тут как тут ее умелые и теплые глаза и руки.

Но главное — глаза. — Еще и красивые... и сознающие свою красоту... чему-то тайному — тайному! — принадлежащие... и потому мне целиком недоступные... и потому — для меня заветные!..

...Воет автобус?.. или — дорога?.. или — вся чернота?

Куда еду?.. К чему еду?..

...С днем рождения поздравляла меня. Всегда утром. Как-то через стены и дверь видела, что я, в моей спальне, проснулся, что открыл глаза. Нельзя было притвориться. Только что где-то в глубине дома с кем-то, слышу, говорила... И вот — сразу, чуть я шевельнулся под одеялом, входит... смотрит на этот раз прямо... намеренно тихо и намеренно ласково говорит поздравительно... неизменно обнимает за голову, за плечи... обдавая своим несравненным запахом... вкладывает в руки новую рубашку, или полотенце, или носки и — и шоколадку... Но не велит ее сейчас же починать, есть... А чуть-чуть удручая, требует встать завтракать.

И так — было.

И это из всего, что ни есть вообще, вообще — по-настоящему, по-настоящему.

И как это так, что сейчас этого вдруг — нету?..

И откуда взялось это... это... событие?!

Неужели... придется сказать... «горе»?..

Очевидно только, что оно — неуклюжее, грубое, дикое.

Откуда?..

Или оно было... всегда растворено... в том же самом воздухе, что и то тепло?!

И всегда было рядом.

Почему об этом никогда не думалось?..

...Красивая, стройная, почти маленькая, гордая!..

И к ней-то — так грозно.

И о ней-то — о такой! — плакать.

Несправедливо...

Боже, а Боже! — Несправедливо.

«Сократили» — и, едва я с глаз, вдруг меня немножко затрясло!.. Как трясет от холода или вон с похмелья.

А профессию-то мою пристальную куда девать?!

Не знаю, не знаю...

Существо разумное может трясти и благородно, это — от страха, от трепета: а именно — перед самим собственно фактом его бытия.

Вот: лишь за сорок мне стыдно.

И если уж гнев бы, так только — на себя: за свою в этом слепоту, ну, или забывчивость, или небрежность.

«Кризис»? — «Все, все»!..

Я тогда чуть было не написал заявление: «по собственному желанию» — лишь бы не получилось так, что за меня обо мне — решили, решили!..

Подтвердилось — мое виденье!

Ведь я, уволенный-сокращенный, не чувствую себя — оскорбленным?..

Нет. Не чувствую себя оскорбленным.

То-то и оно!

...На улицу сделалось выходить стыдно... или страшно... точнее сказать — странно!..

Улицу в самом центре города зачем-то раскопали — и там целый метр: слои асфальта, песка, гравия... еще ниже — булыжник и еще песок...

Слои, слои... Годов, веков!..

А все, кто мимо идет, и в эту бездну даже не глянут. — Живущие в пространстве явно ином — плоском, куцем, убогом.

Я же, выходит, средь них, в их этом — в двухмерном — мире, — разведчик!

В студентах слышал, и — с кафедры, сказку-притчу про разведчика про «нашего»: он где-то «там», где у «них» все «не так», попался на том, что, переходя улицу, посмотрел сначала влево...

Я — после увольнения — признался, что и давно-то чувствую себя, в студентах ли, в журналистах ли, живущим... буквально на поверхности планеты.

Беру интервью — и при этом ведь подмывает же меня натурально... спросить самое разумное и действительное: изменяет ли мой собеседник жене?.. какое у него самое первое воспоминание в жизни?..

Что есть это самое, по мне, двухмерное пространство.

Вот видимый я и вот окружающий меня видимый мир, и — все, все!

Больше нет — кроме этого — ничего!..

«Сокращенный» — я нашел себя по-настоящему наконец-то озабоченным о так называемом «ближнем»!

Странно или не странно.

И даже язык не поворачивался сказать о себе: «безработный».

И — первое, свежее, новорожденное впечатление.

Кого ни встречу на улице, все — несчастливые!

Им, всем и каждому, в детстве или хоть в школе, или хотя бы институте не сказали, что они на этом свете — побывать!.. Что они, их души, до этого были уже на том свете и потом будут опять на том свете!..

Минувший, двадцатый, век был веком прежде всего — недоговоренностей. А уж потом — крови и атома, космоса и телевизора.

И все — несчастливые.

Вот этот. У него есть семья, деньги, карьера... но нет в душе чего-то легкого, отрадного — и он ищет это... в жизни.

А вот у этой нет ничего, даже и радости ни в настоящем, ни в будущем — и она ищет ее... в прошедшем.

И счастья у них — нет, нет.

Потому что оно, счастье, бывает не в жизни, а в душе. Ощущается подлинное не в каком-то отрезке времени — а как одновременное на всю жизнь.

Жить в мире, где только — только! и главное! — семья и работа, общество и цивилизация... времена года и эпохи возраста... выборы или осадки... — жить, то есть, только в состоянии ощущения лишь видимого, буквально видимого — вот я, а вот все окружающее, — и означает пребывать в двухмерном пространстве.

Потому-то я и не чувствую себя оскорбленным.

...Я, который — «я», не просто на этом свете, в этой жизни, в этом теле — не просто в этом видимом мире.

Я — в Мире.

В Мире, который состоит из «этого света» и «того света».

И просто я сейчас — на «этом».

Я в Мире — почему так понятнее мне самому себе говорить, — который — из видимого мира и невидимого мира.

И я сейчас — в видимом.

И значит — значит, что «тот свет», «та жизнь» — просто-напросто мною буквально не видимы.

Но они — вокруг!

И я в них — как в соку, как в течении, как в ветру.

Я — в Жизни!

...Биржа и пособие — скука, унижительная скука.

В развязанном своем состоянии — лишь бы устроиться куда попало на работу.

Даже как-то все вокруг сделалось ново!..

И чуть я на эту тему — знакомый мне советует: иди, как и он... натурщиком в художественное училище!.. Он, дескать, просто сидит — а ему платят. Он сидит себе... его рисуют... И чтоб ни ему, ни всем не скучно было, он говорит, говорит, говорит... чего-нибудь...

Я прямо содрогнулся. Только тут мне бросилось в глаза, что ведь он — офицер в отставке... и лет на десять меня старше...

Как сие символично!

Я взял — конечно, баловства ради! — любую газету, где есть та, вожделенная, рубрика... Кем бы мог? — Ну, чтобы — что? — попроще... Да вот — плотником! Даром, что ли, деревенский... Звоню... Голос: «Слушаю... Здравствуйте, Андрей Константинович!..» Я — сразу отбой. Как у них там мой номер?.. Может, писал в газету когда-то о ком-то...

Тогда мне еще не ведома была эта формула: мир мал...

...И выходить на улицу стал — уже с подлинным страхом.

Вокруг меня — спящие!..

Лица прохожих — выражение якобы знания и якобы понимания жизни. — Тупое выражение — сон понимания!

Да и все-то вокруг — во сне, во снах: «до-перестроечном», «пере-строечном», «пост-перестроечном».

Странно и жить среди странных!

Страшно даже, когда спящие — твои близкие.

Страшно — больно и подумать об этом...

Но надо идти на боль.

Почему — надо?..

Не знаю... Вернее, знаю: значит, я такой... что мне это надо.

И — надо идти на боль!.. Не терпеть. Незнания. И — на самую, значит, тайную свою боль. Чтоб, войдя в нее, как-то разрешить. Эту боль населить самим собою. Но и — оставшись собою!

Если есть свет — то потому, само собой, что есть и тьма.

И они — вместе!

Плеснуть в ведро воды родниковой ложку черной туши — и вся вода будет серой. — Так сказать — посредственной!..

И как же жить?!

А надо сказать себе раз навсегда, что тушь в воде — нерастворима.

То есть: надо сказать себе прямо, да, прямо: я — чистый, да, я — чистый!..

Если я, например, люблю женщину именно эту, то все другие женщины для меня — частицы инородные. — Да, хочу я или не хочу.

И так — во всем бы в жизни.

И — в главном.
От рождения все — либо ангелы, либо бесы.
«Сократили»...
Да еще и — она... подружка пропала!..
Что?! И — хоть где?..
...Оба одновременно... когда мы излили из себя тот «миг последних содроганий» — она так и уснула на мне: полусогнув руки и ноги, лягушкой, щекою на моем плече.
И уже ведь — какую неделю нет!..
Ее, ее нет.
...Любовь...
Любовь — как волнение, как волнение от загадочности, от загадочности предпочтения... этой, этой — всем... даже и не «всем», а — как бы всему, всему!..
Как только пришла, стал сразу ее раздевать.
— Какое счастье, что не нужно врать!
Она помогала...
Президент... который не ощущает... тонкость пленки воздуха вокруг планеты и зыбкость жизни в ней... и одиночество этой особенной планеты в целом пустом Космосе... который... которому, однако, почему-то хочется... быть руководителем миллионов... каждый из которых тоже не ощущает... тонкость воздуха и жизни... в бесконечном до непонятного Космосе... президент говорил... о чем-то... горделиво...
— Какое счастье!.. что не надо!.. лгать!..
Потом уснули.
Потом проснулись.
Радио, оказывается, все еще раздавалось...
Пили кофе.
Теперь... почему... не приходит?!..
...Помню, только начал работать в газете, мне — чего я заранее и опасался!.. — среди интервью или вымогания той информации вопросы... такие!
— А вас любят женщины?
— Женщины... Э-э... Женщина должна быть... стройной... Должна... Впрочем, никому, конечно, — ничего!.. Женщине желательно быть... Желательно и для всех, и для нее... Быть стройной и приветливой!
— Вы, видимо, любите женщин!
— А-а... а мужчина... Мужчине следует быть... снисходительным и профессиональным. Хоть летчиком, хоть вором.
А ее — нет и нет!..
...Почему — не идет?
Вот. — Сейчас бы и пришла! — Как мир не мал...
А мы договорились так: без предварительных звонков!.. Она ко мне!.. В любое время!.. Прямо в дверь!..
Так уж условились: ежесекундное счастье!..
И даже не знаем... телефонов друг дружки.
Притом — никого общих знакомых. И — ни с кем разговоров и упоминаний друг о друге.
Придумали идеальную сказку... Да нет! — Сказочный идеал!..
Но... не стучит...

И это обговорили: стучать ей четыре раза. Отчетливо.
А я — шел к двери уже после удара второго!
Иные же все, олухи, звонят.
Как неприятно... смотреть на кошек!..
Женщина, которую я не хочу, мне кажется... грязной.
...Или я перед нею в чем-то виноват?
На асфальте, крупными белыми, было позапрошлым летом: «Маша, я тебя люблю!» —
Под окном, значит, под чьим-то.
Я еще подумал: так ведь затопчут...
В другом месте — зимой: «Галя, я тебя...» — дорожками огромными по снегу.
Все равно заметет...
А может... это я жалел... что писал, рисовал — не я?..
...Мама — мама не знала.
Как всегда, ничего не знала.
Ни что у меня появилась девушка... Ни того, что она у меня... от меня... пропала,
пропала!..

...В мокроту вышел уже в серую. И пахнущую другим, чужим городом.
Дождь был видим. И лужи были везде на асфальте и на снегу.
Сразу промок.
Зонт... забыл?
...Всегда думал и так всегда знал, что у мамы день рождения тринадцатого, а у нее —
недавно увидел в какой-то бумаге... четырнадцатого!
И всегда она говорила «спасибо» в ответ на мои поздравления... тринадцатого...
Говорила тихо...
Нарочно!
Почему она меня никогда не поправила?..
Или хоть бы папа.
Так это она ему, конечно, и не велела!
Зачем ей надо было — так?..
...Как хорошо, что я весь промок!
Сел в их, в том городе, троллейбус. Ехал с его, того города, пассажирами. Вышел у той,
где и знал, больницы...
В ботинках хлюпало. Во рту было сухо.
Но большего я — сегодня и сейчас — сделать не мог.
Для нее... для нее...
...Подошел к больнице.
Три этажа...
Единственная, по фасаду здания, дверь.
Никого... Все спрятались...
Открыл, вошел.
Теплое и душное фойе — полное-полное!..
В основном — женщины, в основном — в очереди. И все — с сумками в руках. Ужас-
ное же самое — с одеждой в руках! С верхней.
Я капризно, я плаксиво запыхтел...
Спросить «последнего»?!. В очередь?!. Стоять?!.

Я дерзко выскочил прочь, вон.
Очередь! — Самое бесправное и унижительное, по мне, самоустройство социума.
На улице, у дверей под козырьком, задыхался.
Минуту. Полминуты...
«Реанимация» — «Приемный покой»... «Скорая» же — всегда туда!..
Пошел к углу здания... Повернул...
Вот. Дверь. И даже — под большим навесом на столбах.
Пошел к этой двери!.. Размахивая руками!..
Тяжелая, металлическая, черная...
Распахнул надежно.
Вместился.
В тихой теплой комнате свободной — белая вся санитарка и черный весь охранник...
— Я помощник губернатора.
Они оба промолчали...
— Моя мать тут умирает.
Они — где и сидели...
— Мне как в реанимацию?
Они шевельнулись, чтобы что-то сказать...
— Я куртку оставлю у вас.
И я уже ее снимал.
Они одновременно негромко попросили ... куртку взять почему-то с собой... «на руку»...
Просто и тихо объяснили: по лестнице, третий этаж, налево...
Я миновал их с курткой на руке.
Но на третьем этаже чуть с лестницы в коридор — опустил куртку, за вешалку, к полу... и поволок... как бы большую сумку.
Бывал, то есть, в больницах бегло и псевдосострадательно.
В тусклом медицинском запахе... санитарки встретились по коридору длинному две, но обе — толстые старухи вялые.
По сторонам кое-где... ленивые полосатые тени...
...А вдруг мама сейчас... спросит?!

Вот на Земле жизнь — а вокруг жизни нет, совсем нет, вообще везде нет, во всей бесконечности...
И — почему так устроено?!
Но именно об этом существа — единственные, из всех живых на Земле, называющие себя разумными — как раз и не заботятся, даже и не помышляют!..
Странно?.. Не странно?..
Дальше — прежде, снова, всего.
Каждый разумный видит или сам закапывает в землю себе подобных... и знает, что и его обязательно когда-нибудь так же закопают...
Но именно об этом разумные ни разу в день или хотя бы ложась спать и не поминуют!..
Тем более, далее, — каждый, каждый тот разумный на этой самой планете — неповторим, совершенно, на все времена и страны, уникален, абсолютен!..
Однако этим фактом он не только ничуть не одержим — попросту не берет его в голову!..

«По-че-му?»

Вопрос этот даже и вымолвить... поистине неуместно.

...А может быть!

Вся сама по себе планета Земля — шевелящаяся! — с пленкой-корой разнообразной жизни по ней... есть этакий великий шарообразный живой действующий мозг, Мозг!..

...На дверях: «Кабинет реанимации».

Сердце где-то... рядом со мной... ощутимо стало...

По — живой?..

Слово это... какое зыбкое...

За дверью внутри... впрочем... присутствовало что-то... впрочем... как бы домашнее...

По живой!..

Бросил куртку на пол.

Подумал подумать — постучать ли?..

А уже стоял в какой-то комнатке темной, как тамбур... и дальше — звала дверь открытая... звала — электрическая яркая...

Но из боковой двери вышел в белом халате кто-то. — Молодой мужчина, коротко стриженный, аккуратно бритый... совсем молодой, с глазами пытливыми... студенческими.

— Моя мать здесь.

У него одна рука была в кармане в белом.

Он спросил...

— Троицына.

Он, не моргая, сказал что-то про «одну минуту»...

...В оранжевом искусственном запахе.

Мама...

Мамины глаза закрыты.

Мама — была.

Была так, что она — есть.

Слово и это... зыбкое...

Мама дышала.

Устало...

Терпеливо...

Нетерпеливо!..

Под носом трубочка прозрачная — чужая — приклеена пластырем — чужим...

До подмышек — под простыней.

Руки — на простыне.

Теплые, теплые руки.

Теплые щеки... лоб теплый...

Такие, какие они и есть.

Ладони мои — как на горячем... и — опасном... и — затаенном!..

— Мама...

Она — хмыкнула... вопросительно...

Как когда ее — уж если мне чего-то очень-очень — будишь.

— Мама...

Я — над самым, близко, ее теплом.

Она тут — сказала.

Не губами, еле слышно, полуоткрытыми — а, как всегда, самой настоящей собой.

— Подыми мне глаза.

Я — пальцами, указательным и большим, левой руки... со стороны ее лба... отвел к ее бровям... ее веки...

Пестрые глаза... в мелких оранжевых точечках... были... и были такие, какие они и есть.

— Мама!..

— А?..

Задумчиво... привычно...

Разумно!..

Зрачки — темные... оказывается — они круглые... оказывается — они черные...

Блестят — ожидающе... готовно...

Ожидают... чего?.. готовы... к чему?..

И — словно им, зрачкам, не хотелось отрываться от какой-то точки... где-то вверху...

Но — чуть повелись... ко мне, ко мне...

— Адре...

Глаза и все лицо — настроенные, приготовленные — выразили: вот — я, вот — ты... точнее, увы: вот — я... и — все остальное...

Глаза, лицо, все тело под простыней: я — я... я — я... она о себе...

Я достал из кармана записную книжку, из книжки — календарик с Богородицей. Сунул его на теплую грудь под простыню.

В тамбуре за спиной шевелилось...

Я забоялся, что кто-то приблизится к нам, к нам двоим...

Губами — лоб теплый.

...В тамбуре врачу в глаза:

— Что?

— Разрезали, посмотрели, зашили.

Не моргая и не сводя глаз с моих глаз.

— Что?

— Умрет часа через четыре.

Смотрел, не моргая и не сводя, как понимающий понимающему и как это все понимание понимающий.

Еще очень он молодой!..

Во мне мелькнуло... где-то очень далеко... я брал интервью... смотрел... так же?..

Я опустил глаза... чтобы быть полнее, ошутимее, пространнее...

Записал номер телефона.

Сам же — четко осознавал... иное, тайное, пространство: например, что фамилия ее девичья — Вольская...

Внизу, в ужасном том тесном фойе, — на кого-то заорала толстая белая... на чью-то куртку...

...Я не живу в этом самом «сегодня».

Это и невозможно. Для бодрствующего.

Время, все-все время, — это только — «сейчас».

Прошедшее, настоящее, будущее — так называемые, и они — одновременно.

Для бодрствующего!

Я не живу, само собою, и где-то «здесь». Этого «здесь» для меня попросту не бывает. Рука моя распространяется — всего лишь на длину руки. А — насколько я?!

Я помню миг, когда я обнаружил себя в «моем» теле.

Помню... и будущее.

— Ты.

— Я.

— Ты.

— Да я, я...

— Ты на этом свете.

— Что?

— Ты уже на этом свете.

— На... на каком?..

— На этом свете.

— Не... не понимаю...

— Ты был на том свете.

— На каком еще «том»?..

— На том, который ты называл «ЭТИМ».

— Я и сейчас... на этом свете.

— Нет, ты сейчас уже на этом.

— Я и говорю...

— Нет. Ты сейчас на том свете, который ты раньше называл «тем светом».

— Да, «тем светом»...

— Называл.

— Называл...

— Спокойно называл.

— Спокойно...

— Так вот теперь ты на этом свете, на этом.

— Как?!.

— Так.

— Я... что... уже... то?..

— Да. То.

— Н-ну все!..

— Не все. Ты раньше был на одном свете, а теперь ты на другом свете.

— Все!..

— И это не все. Ты на этом самом другом, теперешнем, свете уже был.

— Был?!.

— Был. До того, как ты попал на тот, вчерашний, свет.

— Не могу...

— Можешь.

— Не помню.

— Помнишь.

— Не знаю...

— Знаешь.

— Что... теперь?..

— То же, что было и всегда.

— Но что, что?..

— Ты всегда все это знал.

— Знал...

— Знал.

— Знал...

— Был в покое.

— Был...
— И теперь ты в покое.
— В покое...
— Потому что ты знал.
— Знал.
— Ты всегда был в покое.
— Знал.
— Ты всегда был в покое.
— Знал! Знаю!
— Всегда так говори. И на этом свете и на том. И на том и на этом.
Логически — нельзя иначе и знать.
И — не может быть иначе, не может!

...В автобусе вспомнил ночное: «ужас пребывания».
Чувство это длилось, по сути, и теперь. Разве что я с ним смирился.
Да, не привык, а смирился.
В тот, под одеялом, миг я особенно четко ощутил себя, меня... маленьким живым предметом... в огромных сомкнутых ладонях...

Так и сейчас.

Ужас — от неожиданности этой догадки.

А обычное состояние человеческое повседневное — попросту страх. Страх, который он, человек, страшась этого слова, называет то волнением... то ответственностью... то набожностью...

Страх пребывания в жизни — состояние длящееся и... нормальное.

Пребывания в жизни: в этом теле, в этом мире, на этом свете.

Гвозди на рентгеновском снимке...

Вот! Вот!

Мир мал.

Гвозди в космическом пространстве распространяются во все стороны с безостановочной безвоздушной скоростью — но гвозди те же самые в тесноте воздуха на подземной станции метро... да еще и в переполненном вагоне в пиковый час... распространяются всего лишь со сверхзвуковой, может быть, скоростью... и притом всего несколько сантиметров... так как увязают в ощутимых человеческих телах...

Точнее сказать, в космическом пространстве вообще, кажется, нету гвоздей... так как непонятно, зачем им там распространяться... Точнее, опять же, сказать, в космическом пространстве почти что нету человеческих тел... и, значит, их мыслей о возможном распространении там гвоздей... так как человеческие мысли заняты в основном тем... чтобы распространять гвозди на планете Земля, притом в подземном помещении, притом... и так далее...

Еще точнее сказать — для распространения гвоздей, чтоб они — во все сразу стороны, человеком освоено пока лишь подземное пространство, в отличие — что, вероятно, впереди — пространства околоземного...

Мир мал — и притом так уже особенно мал, что, между прочим — и как раз не между прочим, смертниками гвозденосцами становятся все чаще особы женского пола...

Мир мал — и так уже характерно мал, что — соответственно и тем более не между прочим! — работниками правоохранительных (от смертниц и их гвоздей) органов работают все более особы того же пола, женского...

Мир мал — угрюмо, угрюмо. Не только среди уголовников, но и в криминологии об «криминальных авторитетах» нет термина «криминальная дружба», только — «криминальные разборки».

...Золото у паралимпийцев.

Вот! Вот!..

Золотых медалей и прочих получают на порядок большее количество спортсменов, если у них отсутствуют зрение, слух, рука, а то и вовсе обе ноги — в отличие от обычных спортсменов, которым эти самые различные органы и конечности только, по причине малости мира, мешают.

Вернее бы сказать, особи человеческие с «ограниченными возможностями» эти самые ограниченности и стараются преодолеть, в чем и преуспевают, — тогда как особям, чьи возможности не ограничены, есть смысл, привитый современным имиджем, успеть бы воспользоваться своими органами для побед в сексе и бизнесе.

Мир — мал, мал...

...Ночной клуб сгорел. — Хоть он и стекло-железо-бетонный.

Вот!.. Вот!..

Мир — мал.

И поэтому именно в это сравнительно небольшое по габаритам пространство надо было наносить и навозить как можно больше самых горючих материалов — чтобы все они, вместе с полным клубом, в несколько минут сгорели...

Почему загорелось?.. почему не было запасных выходов?.. — А потому и загорелось, что не было ни запасных, ни... вообще никаких — выходов-то...

Иначе — что бы делать в кубическом зале, что на пятьдесят персон, сразу тремстам?.. что бы делать им — столь взрослым?.. что бы им делать — в столь поздний час?.. что бы делать им — в столь громком музыкаподобном звуке?.. да и это все — одновременно?!

Мир мал — и только в этот поздний час в этом замкнутом строении нашлось место этим людям для их краткой и единственной жизни!..

Первое свойство мира, мира людей, — и потому не сформулировано оно было никем прежде! — что он, мир, — мал.

Однако... не воздеты руки людей, не согнуты колени людей...

...Из автобуса вышел — уже под черный дождь своего города.

Набрал номер... идя или стоя в луже...

Юный ровный голос...

— В семнадцать тридцать.

Я — пошагал, пошагал, пошагал...

Но — сколько ни иди... Никогда теперь не встретишь.

Кого хотел бы — больше всего и всех.

Никогда...

И даже и не увидишь.

Никогда...

Черный дождь по щекам был горячий.

Мир — мал.

Мир — мал!..

Ярославль, 2010 год